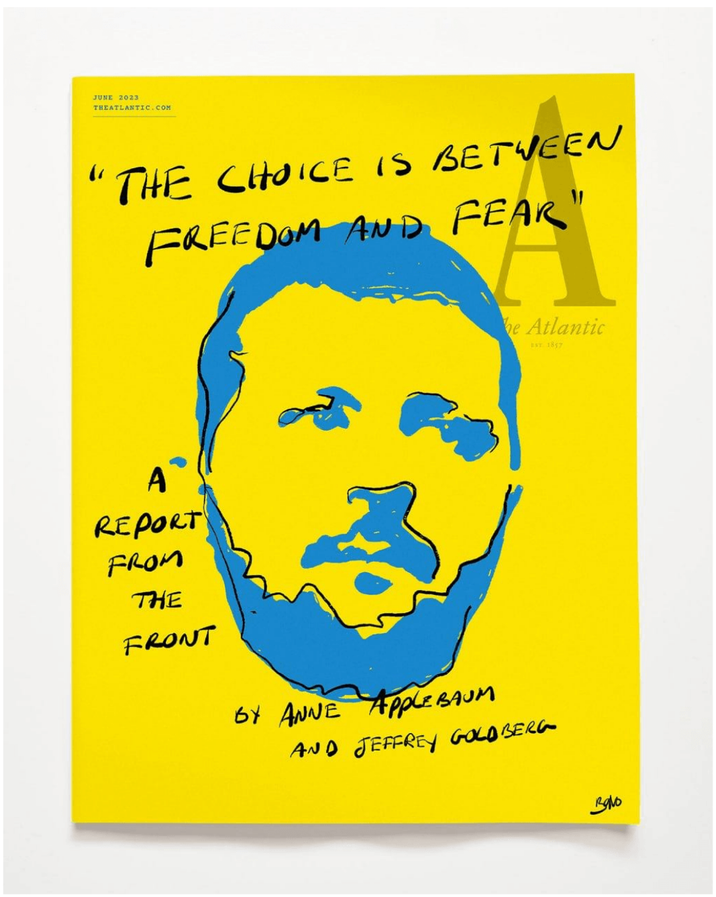
Текст · 9 мая 2023, 09:23
Энн Эпплбаум, Джеффри Голдберг,

«Выбор между свободой и страхом». Репортаж Atlantic о подготовке украинского контрнаступления

Корреспондент журнала *Atlantic* Энн Эпплбаум и главный редактор Джеффри Голдберг отправились в Украину накануне контрнаступления. Они побывали в Херсоне и Одессе, встретились с Владимиром Зеленским и украинскими производителями «свадебных» боевых дронов, обсудили с самыми разными украинцами ближайшие и отдаленные перспективы войны и победы. Получившаяся статья стала центральной в июньском номере журнала, обложку для которого нарисовал музыкант Боно. «Медиазона» публикует ее перевод.

Обложка июньского номера журнала Atlantic, которую нарисовал музыкант Боно. Цитата: «Выбор между свободой и страхом»

В марте 1774 года князь Григорий Потемкин, генерал и фаворит Екатерины II, подчинил территории на юге ее империи, где властвовали то монгольские ханы, то казачьи атаманы, то Османская империя, и это еще не весь список. Как наместник Потемкин вел военные кампании и основывал города, в том

числе Херсон, ставший первой базой Черноморского флота. В 1783 году он присоединил Крым и стал олицетворением имперских устремлений России. Для Владимира Путина Потемкин — русский националист, присоединивший территорию, которую теперь нагло и незаконно требуют вернуть украинцы. А самой этой нации, по мнению Путина, просто не существует.

Вообще же с именем Потемкина ассоциируется то, что сегодня мы бы назвали кампанией по дезинформации. В 1787 году Екатерина II отправилась на полгода в Крым, тогда эта территория входила в так называемую Новороссию. По легенде, Потемкин построил на пути следования императрицы фальшивые деревни и населил их фальшивыми крестьянами, изображавшими фальшивое благополучие. Эти деревни, скорее всего, никогда не существовали, но легенда закрепилась в народной памяти, и это неспроста. Льстивые придворные, создающие поддельные картинки для своего властителя, встречались не раз в самых разных странах и в разные эпохи. Так и здесь — мы видим хорошо знакомый принцип, который применим не только к имперской России, но и к путинской: прилагаются ошеломляющие усилия, чтобы порадовать лидера, и на сегодня это значит, помимо прочего, сообщать ему, что он выигрывает войну, хотя на самом деле это совершенно точно не так.

В попытке вернуть «потемкинские города» под российское владычество Россия оккупировала Херсон в марте 2022 года, в самом начале кампании по уничтожению Украины как страны и как идеи.

Российские солдаты похитили мэра, подвергли пыткам городских служащих, убивали мирных жителей и крали детей. В сентябре Путин провел в Кремле церемонию присоединения оккупированных территорий к России. Но Херсон Россией не стал. Партизаны боролись изнутри города, минируя автомобили и устраивая диверсии.

И даже когда оккупанты устроили нелепый референдум, призванный показать, что украинцы якобы выбрали Россию сами, армия втихаря готовилась к отступлению. К октябрю эта новая потемкинская деревня уже дышала на ладан, а окрепшая украинская армия приближалась к Херсону. И вот в этот момент российская армия сделала кое-что совсем уж странное: она выкрала кости Григория Потемкина.

Потемкин умер в 1791 году. Его череп и как минимум несколько костей — никто не знает, каких именно, — привезли в построенный князем Екатерининский собор в Херсоне. Кости были захоронены в склепе под нефом. В пасмурную субботу в марте этого года мы пришли в собор, который стоит всего через несколько улиц от Днепра — сейчас по реке проходит линия фронта, — чтобы попробовать понять, почему российские солдаты в суматохе отступления из оккупированного города не пожалели времени на ограбление могилы.

Мы приехали в короткий перерыв между службами. В церкви собрались в основном пожилые люди, но среди молящихся попадались и молодые, и даже дети. Улицы вокруг собора пустовали, город обезлюдел после вторжения, контрнаступления

и непрекращающихся беспорядочных обстрелов с позиций российских солдат, которых здесь называют «рашистами» или «орками». В один из дней, что мы провели в Херсоне, ракета попала в парковку супермаркета. Три человека погибли, трое были ранены, в том числе пожилая женщина. Мы слышали, как разрываются снаряды — то вдалеке, то совсем рядом.

В соборе молодой священник свернул ковер в нефе и открыл дверцу в полу. Мы спустились по узкой лестнице. Кости Потемкина раньше покоились в деревянном гробу на каменном возвышении в центре темного замкнутого пространства. Отец Виталий, который говорит на украинском, языке современных властей, а не на русском, языке Потемкина, описывает день ограбления так: «Российские машины окружили собор. Потом вошли солдаты и попросили открыть склеп. Было видно, что им не по себе. Шестеро спустились вниз и забрали кости. Они вынесли их наружу, положили в микроавтобус. И уехали». Мы спросили священника, что он обо всем этом думает. «Я благодарен Потемкину за то, что он построил собор», — сказал он аккуратно. И пожал плечами. Исторические связи Потемкина с Херсоном интересовали его не так сильно, как нас. У его паствы другие заботы.

Позже, во время долгой дороги мимо украинских боевых позиций на Днепре, мы спорили о том, что значит эта кража. Может быть, Россия смирилась с потерей Херсона и забрала Потемкина домой, подальше от мерзкой и неблагодарной Украины. А может, череп Потемкина теперь стоит не у Путина на столе в Кремле, а в каком-нибудь потайном месте на

другом берегу реки и ждет возвращения российских войск в Херсон.

Через неделю, уже в Киеве, нам представилась возможность поговорить с одним из главных экспертов по российской империалистической идеологии. Почему, спросили мы, отряд солдат, предположительно, отвлекаясь от подготовки к отступлению из Херсона, украл кости Потемкина? «Не уверен, что они знают, кто это, — сказал Владимир Зеленский и махнул рукой. — Думаю, им было все равно, что красть». Покидая Херсон, российские войска забрали все: картины, мебель, посудомоечные машины, енотов из зоопарка, череп любовника Екатерины II… Наследие Потемкина, неоклассический собор, невероятный вес прошлого — ничего из этого, считает президент Украины, не волновало людей, бежавших из Херсона.

«Убегая, они тащат все, что видят, — сказал Зеленский. — Знаете, что они взяли из Киевской области? Писсуары. Они сперли писсуары!».

* * *

Когда мы в прошлый раз приезжали к Зеленскому в апреле 2022 года, уровень путинского безумия только становился очевиден. Та встреча была внезапной, почти случайной, все было организовано на лету, чередой заполошных СМС, всего через несколько дней после беспорядочного российского отступления с севера страны. Мы сели в поезд, которого не было в расписании. В центре Киева не было электричества, работал один ресторан. В Буче мы смотрели, как украинские солдаты и специалисты эксгумируют

тела из массового захоронения у церкви. В тот момент война меняла характер: Россия не смогла взять Киев с севера в первые месяцы вторжения и готовилась напасть с востока. После нашей встречи помощник Зеленского передал список вооружений, которые были нужны украинской армии, чтобы отбить нападение, в надежде, что мы доставим это сообщение в Вашингтон.

Украинские солдаты готовят поставленную США гаубицу M777 к стрельбе, 9 января 2023 года. Фото: Libkos / AP

Когда мы снова приехали несколько недель назад, электричество работало, рестораны были открыты, а поезда ходили по расписанию. В кофейне на вокзале продавали латте на овсяном молоке. Буча отстраивается, открыт новенький хозяйственный магазин для тех, кто решил заняться ремонтом самостоятельно. Разговор с Зеленским теперь проходит более официально — с синхронным переводом, видеосъемкой и несколькими англоговорящими помощниками. Впрочем, Зеленский и сам в основном отвечает на английском — в последнее время много практики, говорит он. Но за всем этим лоском кроются напряжение и неопределенность, подстегиваемые пониманием, что мы снова в поворотном моменте, снова в точке, где будут приняты ключевые решения — в Киеве, разумеется, но и в Вашингтоне тоже.

И хотя война не проиграна, она и не выиграна тоже. Херсон свободен, но его постоянно атакуют.

Рестораны Киева открыты, но беженцы еще не вернулись домой. Зимнее наступление российской армии истощилось, но сейчас, в середине апреля, когда мы пишем эту статью, неясно, начнется ли контрнаступление Украины. И пока оно не началось, точнее, пока оно не кончилось, переговоры — о будущем Украины и ее границах, об отношениях Украины с Россией и Европой, об окончательном статусе Крымского полуострова — тоже не могут начаться. Прямо сейчас Путин, судя по всему, считает, что длительная война на истощение рано или поздно вернет ему его империю: слабые западные союзники Украины устанут и сдадутся, а может, Дональд Трамп переизберется и встанет на сторону Кремля, Украина отступит, украинцы будут подавлены огромной численностью российских солдат, как бы плохо они ни были вооружены и обучены.

Поразительно, но именно Соединенные Штаты могут определить, как и с какой скоростью война на истощение превратится во что-то иное. Украинский министр обороны Алексей Резников поговорил с нами о «клубе Рамштайн», названном так в честь авиабазы в Германии, где эта группа, состоящая из представителей министерств обороны 54 стран, собралась впервые. И все же самыми важными Резников считает отношения с министром обороны США Ллойдом Остином («мы очень-очень часто общаемся»), общеизвестно, что этот клуб организовали американцы, заправляют там американцы и заставляют его членов действовать тоже они.

Андрей Ермак, руководитель офиса Зеленского, сказал нам, что украинцы считают себя

«стратегическими партнерами и друзьями» Америки — утверждение, которое еще несколько лет назад, когда Дональда Трампа пытались подвергнуть импичменту за попытку надавить на Зеленского, звучало бы сомнительно.

В интервью с Зеленским, которое мы проводили вместе с главой совета директоров *Atlantic* Лорен Пауэлл Джобс, был вопрос, как бы он объяснил эти необычные взаимоотношения скептически настроенному американцу: почему Америка должна бесплатно отправлять оружие на такую далекую от нее войну? Зеленский твердо ответил, что исход войны определит будущее Европы. «Если у нас не будет оружия, — сказал он, — мы ослабеем. Если мы ослабеем, они нас оккупируют. Если они нас оккупируют, они окажутся на границе с Молдовой — и они займут Молдову. А когда они займут Молдову, они пройдут через Беларусь и оккупируют Латвию, Литву и Эстонию. Это три страны Балтии, которые являются членами НАТО. Они их оккупируют. Конечно, там живут храбрые люди, и они будут сражаться. Но это небольшие страны. И у них нет ядерного оружия. Так что Россия на них нападет, потому что политическая цель России — завоевать обратно все страны, которые входили в Советский Союз». На кону судьба НАТО и положение Америки в Европе, больше того — положение Америки в мире.

Но на кону еще кое-что более существенное. Как говорит Зеленский, это война даже не за то, что такое демократия, но за то, что мы понимаем под цивилизацией, битва за то, «чтобы показать всем, и России в том числе, что нужно уважать суверенитет, права человека, что нужно уважать людей, что

нельзя убивать людей, насиловать женщин, убивать животных, брать то, что тебе не принадлежит».
Если Украина, которая верит в закон и права человека, сможет победить более крупное и более авторитарное общество и если в процессе она сможет сохранить собственные свободы, то открытые общества и движения по всему миру тоже могут на что-то надеяться. После российского вторжения венесуэльское оппозиционное движение вывесило украинский флаг перед посольством своей страны в Вашингтоне. Парламент Тайваня с распростертыми объятиями принял в прошлом году украинских активистов. Не всем в мире есть дело до этой войны, но всем, кто бьется с диктаторами, она очень и очень важна.

Америка связана с этой войной в более глубоком смысле. Цивилизация, которую защищает Украина, во многом определена американскими идеями — и не только в том, что касается демократии, но и предпринимательства, свободы, гражданского общества и верховенства права. Когда мы спросили Зеленского об украинском технологическом секторе, он с радостью начал рассказывать об университете, специализирующемся на компьютерных технологиях, который он мечтает построить, и обо всех проектах, придуманных его Министерством цифровой трансформации, в том числе уникальном приложении, которое позволит украинцам хранить свои документы в телефоне (находка для беженцев!). Он с большей готовностью говорит о Кремниевой долине, чем об останках Потемкина, и это неудивительно: именно первое, а не второе, относится к миру, в котором он хотел бы жить.

Зеленский не разделяет наш интерес к истории имперских притязаний России. «Прошлое меня не привлекает, — сказал он. — Мы должны рвануть вперед, а не назад».

* * *

Как выглядит этот рывок вперед на практике, мы увидели в другой части страны. Будущее разворачивается в комнате, где на столах разложены клей, провода, куски металла и электроника. У стены — *3D*-принтер. На другой стене — полка, где стоят предметы, напоминающие авиамодели из пенопласта. Это дроны, а комната — мастерская по их изготовлению, одна из двух, где мы побывали, и одна из десятков, разбросанных по всей Украине.

Существование этой конкретной мастерской может удивить американцев, которые думают, что «военные» — это некая единая институция, а «оборонной промышленностью» обязательно занимаются компании с миллиардными оборотами. Начальник этого проекта — бывший командир украинского спецназа и член парламента полковник Роман Костенко. А его сотрудники — это инженеры и разработчики, которых призвали в армию придумывать и пилотировать дроны. Финансирование частное, а все предприятие основано на идее, что если Украина не может соревноваться с Россией в количестве, то нужно обойти ее в качестве. «Есть только один способ победить — быть умнее», — говорит Костенко. Он рассказал нам, что регулярно общается с армейским командованием, хотя не занимает никаких военных

постов. «Это не *Lockheed Martin*, конечно», — говорит он, оглядывая помещение. Но соглашается, когда мы говорим, что и *Lockheed Martin* с чего-то начинали.

Нас просили не разглашать подробности о местонахождении или роде занятий этой мастерской, но мы можем сказать, что в первую очередь она модифицирует обычные дроны для военных целей. Министр обороны Резников называет эти дроны «свадебными», потому что в мирной жизни их используют для съемок свадеб, а теперь переделывают в смертельное оружие. Мастерская устанавливает на них взрывные устройства, в том числе оставшиеся с советских времен. И вместе с похожими командами по всей Украине эти инженеры работают над дронами нового типа, которые могут решать более широкий круг задач, например, вести хитроумную радиоэлектронную борьбу или совершать нападения под водой, и все это за относительно небольшие деньги. Один из произведенных таким образом беспилотников, по словам Костенко, уничтожил 24 единицы вражеской техники, включая несколько танков.

Эта украинская подвально-гаражная армия технарей не просто делает дроны, она еще придумывает программное обеспечение, которое координирует их работу. Иногда она делает это в сотрудничестве с НПО, а не компаниями; один из ведущих сотрудников назвал программу, которую они разрабатывают, «изобретением, а не продуктом». Что еще более важно — изобретением, которое постоянно перепридумывается. Одна из популярных программ собирает информацию и распределяет ее по планшетам и компьютерам обычных солдат по

всей линии фронта, обеспечивая крайне высокий уровень информированности, который все это время был одним из важных преимуществ Украины. В крошечном командном пункте, где мы побывали, было несколько мониторов, и каждый показывал поле боя со своего ракурса.

Помогают и несколько иностранных компаний. Самая продвинутая, американская *Palantir*, занимающаяся программным обеспечением и оборонными технологиями, создала программу, которая может собирать данные из нескольких источников — снимки коммерческих спутников, донесения партизан, — чтобы определять и приоритизировать цели. Эта форма «алгоритмической войны» не нова, но у украинцев есть стимул развивать и расширять ее: у них нет огромных запасов оружия, и значит, им надо поразить как можно больше вражеской техники, потратив как можно меньше ракет.

Максвелл Адамс, инженер из *Helsing*, европейской оборонной компании, работающей в Украине на благотворительных началах, сказал нам, что украинцы поразили его своим умением использовать все, что есть под рукой, от простых мессенджеров до высокотехнологичной артиллерии, и все это в условиях полной непредсказуемости. Вместе с украинскими коллегами сотрудники Адамса работают на то, чтобы «довести программы до предела, чтобы они работали и на крошечных компьютерах, установленных на ржавую машину, и в рюкзаке солдата, и на беспилотнике». «Украинцы отлично умеют обращаться с искусственным интеллектом», — говорит он.

Выброшенные статуи Сталина и Ленина, Харьков, 28 февраля 2023 года. Фото: Vadim Ghirda / AP

А еще украинцы отлично понимают, что значит работать с тем, что под рукой. Резников назвал набор оружия, которое Украина получила из десятков разных стран, «зоопарком», бродячим зверинцем вооружений («У нас одних артиллерийских систем десять видов», — сказал он, загибая пальцы), и все эти устройства должны работать вместе в условиях нехватки боеприпасов, людей, а иногда и спутниковой связи.

Этот высокотехнологичный мир соседствует с невероятно пестрой армией гражданских, в которую входят люди с максимально разным уровнем подготовки, опыта и обеспеченности оружием —

от обученных в НАТО офицеров до дедушек, защищающих свои деревни. Линия фронта проходит по загородным участкам и фермам, и эта армия живет и работает там же. В домике недалеко от еще одного участка фронта мы встретились с несколькими операторами беспилотников, а также с их чихуа-хуа и парочкой кошек. На кухне висят иконы, принадлежавшие бывшему владельцу дома, в коридоре ряды грязных ботинок. В том, что раньше было гостиной, бывший фермер с позывным Слон (тут, впрочем, надо отметить, что до того, как заняться фермерством, он служил в украинской разведке) говорит, что нужно модернизировать систему армейского образования. Француз получил свою кличку, потому что до того, как вернуться домой и открыть винный бар во Львове, он служил во французском Иностранном легионе, и с виду он больше похож на хипстера-ресторатора, чем на крепкого легионера. Еще один солдат вертел в руках что-то похожее на игровую консоль, на самом деле он учился управлять дроном. Все они присоединились к этой группе специального назначения после февраля 2022 года.

В паре часов езды оттуда по грязной дороге с колдобинами и огромными лужами мы встретились с украинской армией совершенно другого типа — пехотной бригадой, собранной из местных мужчин. Их артиллерийское подразделение пользуется оружием, из которого могли бы стрелять советские солдаты в Афганистане в восьмидесятых, а хранят они его в амбарах и кладовых. Они выглядели веселыми — перед разговором настояли, чтобы мы поели в их армейской столовой — и не показывали признаков усталости, о которых сообщают журналисты,

говорившие с солдатами на более горячих участках фронта. Но хотя они тоже могут обнаружить российские цели с помощью программы на своих планшетах, им особо нечем по ним бить. «Давайте так, — пошутил один из солдат, — вы нам сейчас *HIMARS*, а мы вам после войны дронов понаделаем».

Эта удивительная народная армия вместе с ее еще более удивительным разбросом физических и технологических возможностей — одно из явлений, помогающих объяснить, почему украинцев так недооценивали в начале конфликта и почему их возможности так сложно оценить сейчас. Вашингтон и Брюссель думали, что воевать будут, как выразился Резников, «большая советская армия против маленькой советской армии» и что большая советская армия, конечно же, победит. Но после вторжения России в Крым в 2014 году «первыми, кто встал на защиту, были добровольцы с Майдана», говорит Резников, имея в виду украинское восстание против авторитарного пророссийского президента: «Они взяли винтовки и пошли на восток». В том же году молодые украинские патриоты начали работать на оборонную индустрию или открывать НПО, которые и сегодня поддерживают армию.

Прежняя украинская армия десятилетиями формировалась по принципу отрицательного отбора, туда шли самые необразованные и не амбициозные люди. Новая состоит из самых образованных и амбициозных. В последние месяцы эта армия стала еще сильнее. В тренировочных лагерях в странах НАТО украинские солдаты учатся пользоваться боевыми танками западного производства, новыми видами артиллерии, но главное, проводить

общевойсковые операции, которые станут частью летнего наступления. Они учатся «взаимодействию», как выразился Резников, на уровне, который никогда до этого в украинской армии не применялся.

Иногда эта война описывается как битва между автократией и демократией или между диктатурой и свободой. На самом деле противники различаются не только с идеологической, но и с социальной точки зрения. В борьбе Украины против России гетерархия противостоит иерархии. Открытое гибкое общество, более сильное и на уровне горизонтальных связей, и на уровне связей с Вашингтоном, Брюсселем и Кремниевой долиной, что, кстати, было неочевидно, бьется с огромным коррумпированным вертикально организованным государством. С одной стороны — фермеры, защищающие свою землю, и двадцатилетние инженеры, которые строят «глаза в небе» теми же инструментами, что и молодые инженеры в любой другой точке мира. С другой — командиры, которые волна за волной отправляют на убой плохо вооруженных новобранцев, как когда-то Сталин отправлял против нацистов штрафбат, и все это под флагом диктатора, которого волнуют древние кости. «Это выбор, — сказал нам Зеленский, — между свободой и страхом».

Оба этих цивилизационных подхода можно встретить и в украинском обществе, но водораздел проходит не по этническому или языковому признаку. Сейчас уже очень сложно найти украинца, который определит себя как «пророссийского», даже на русскоговорящем востоке страны. Улицы в центре русскоговорящей Одессы украшены украинскими флагами, мэр города, русскоговорящий Геннадий

Труханов, сказал нам, что считает Украину «линией фронта в битве за цивилизованный мир». Но принцип «сверху вниз», привычку к иерархическому устройству не так просто изжить, особенно в государственных структурах. Стремление контролировать и принимать решения централизованно никуда не делось. Группы гражданских и добровольцев возникли вокруг военных, в том числе чтобы сражаться с наследием советской бюрократии.

Но украинцы, которые хотят, чтобы их страна осталась частью этого нового, пронизанного связями мира, верят, что они победят. «Увидимся после победы», — говорят они на прощание. «Отстроим после победы», — говорят они о разрушенных зданиях. Труханов уже мечтает о праздновании победы, об огромном столе, который будет тянуться по всему Приморскому бульвару, знаменитому одесскому променаду, сейчас перекрытому солдатами и баррикадами. «Приглашены все». Даже те, кто смотрит на ближайшее будущее более пессимистично, чувствуют оптимизм по поводу будущего отдаленного: «После победы нам нужно будет эту победу защищать». У некоторых есть даже мистическая вера в то, что пришла очередь Украины показать себя на мировой сцене. Ермак, глава президентского офиса, сказал нам, что победа «очень близко», что она «просто разлита в воздухе». Дмитрий Кулеба, министр иностранных дел Украины, говорит о «вращающихся колесах истории», которые уже не остановить.

Другие верят в модернизацию, технологии — и да, в американскую демократическую идею. «Мы живем в

открытом, демократическом мире, — говорит Алексей Гончарук, бывший премьер-министр Украины, сейчас также работающий в техсекторе. — И это огромное преимущество». Так ли это? Только победа Украины может стать тому доказательством.

* * *

Но что такое победа? Этот вопрос неустанно задают каждому американскому официальному лицу, каждому аналитику на каждом публичном обсуждении, посвященном Украине. И часто ворчливым требовательным тоном, как будто на этот вопрос правда трудно ответить. Для самой Украины — в офисе президента, в Министерстве обороны, на кухнях и на фронте — на этот вопрос готовы дать простой и понятный ответ.

Во-первых, победа означает, что Украина восстанавливает суверенный контроль над всей своей территорией в международно признанных границах, включая те части, которые Россия забрала с 2014 года: Донецк, Луганск, Мелитополь, Мариуполь, Крым. «Каждый сантиметр из наших 603 550 квадратных километров», — говорит Кулеба.

Украинцы считают, что, уступив де-факто в 2014 году России территории на востоке, они подали Путину мысль, что он может взять еще. И они не хотят эту ошибку повторять. Прекращение огня, при котором большие куски украинской территории так и останутся под властью России, не приведут к окончанию конфликта, а дадут Путину стимул перегруппироваться, перевооружиться и начать сначала. Украинцы также говорят, что

территории, которые сейчас удерживает Россия, — это место преступления, пространство, где репрессии, террор и нарушение прав человека происходят каждый день. Люди, которые остаются на оккупированных территориях, постоянно рискуют потерять имущество, идентичность и саму жизнь. Какой украинский лидер может отказаться от идеи их спасения?

Во-вторых, победа будет значить, что украинцам ничто не угрожает. Ни террористические атаки, ни обстрелы, ни ракеты, падающие на парковки супермаркетов. Зеленский говорит о безопасности «во всем»: «В школах и на улицах, в медицинской сфере и в образовательной. И в том, что касается энергетики, тоже. Безопасность во всем! В этом главная идея». Безопасность значит, что снова откроются аэропорты, вернутся беженцы, иностранные инвесторы начнут снова вкладывать деньги, а здания отстроят, не боясь, что российская ракета их опять разрушит. Чтобы достигнуть этого уровня безопасности, прекращение огня, опять же, Украине не поможет. Страна должна будет встроиться если не в НАТО, то в структуру такого же уровня надежности. А кроме того, Украине надо будет переосмыслить себя как прифронтовое государство вроде Южной Кореи или Израиля, с оборонными системами мирового уровня и многочисленной армией. Сдерживание — самая важная гарантия мира.

В-третьих, победа предполагает хотя бы какую-то справедливость. Для жертв войны, для людей, которые потеряли свои дома или конечности, для детей, которых забрали у родителей. Справедливость может выглядеть по-разному: как репарации, как

передача захваченных или попавших под санкции российских активов, как Международный уголовный суд, который, кстати, недавно выдал ордер на арест Путина по обвинению в похищении украинских детей и депортации их в Россию. И главное — это даже не то, как эта справедливость будет выглядеть, но как она будет восприниматься: ни Путин, ни Россия не могут остаться безнаказанными. Жертвам нужно, чтобы их призвали таковыми, чтобы прозвучало признание в том, что на них напали несправедливо. И пока такая справедливость не восторжествует, миллионы людей не почувствуют, что война кончилась, и не перестанут ждать возмещения ущерба или требовать мести.

Похороны украинских солдат, Львов, 24 февраля 2023 года. Фото: Petros Giannacouris / AP

На следующий день после нашего знакомства

Француз, молодой оператор беспилотника, ветеран французского Иностранного легиона и хозяин бара во Львове, был убит во время российской атаки. Его настоящее имя — Дмитро Пащук. «По сравнению с этой войной, — сказал он, когда мы спросили его о предыдущем армейском опыте, — просто детский сад». Никто из тех, кто сражался с ним рядом, не примет несправедливое разрешение этого конфликта.

* * *

Победу можно описать. Но можно ли ее достичь? Часть ответа на этот вопрос лежит в сфере военной, логистической, технической. Но часть — в политической. И даже психологической. Украинская теория победы включает все эти элементы.

В истории России победа в войне часто усиливала автократию. Завоевания Потемкина укрепили позиции Екатерины Великой. Победа над Гитлером упрочила сталинский режим. И наоборот, проигрыш часто приводил к политическим изменениям. Российские потери в Первой мировой помогли начаться Февральской революции. А потери в Афганистане в 1980-х запустили горбачевские реформы, которые, в свою очередь, привели к распаду СССР.

О масштабном поражении на море во время Русско-японской войны знают не все, но у него были не менее мощные последствия. Во время Цусимского сражения в 1905 году Япония уничтожила большую часть российского флота и пленила двух адмиралов. На тот момент Российская империя была больше и богаче Японии и могла продолжать войну. Но шок и стыд от поражения были слишком сильны. И хотя царь Николай II не потерял трон, народное недовольство войной привело к провалившейся революции 1905 года и заставило царя запустить политические реформы, в том числе создать первую российскую Думу и первую конституцию.

Украине нужен подобный военный успех, обладающий такой символической силой, что ее хватит, чтобы спровоцировать изменения внутри России. Это не обязательно означает революцию

или смену лидера. Зеленский считает, что Запад слишком много времени тратит на размышления о Путине и о том, что происходит у него в голове. «Дело не в нем», — сказал он нам. Кулеба, министр иностранных дел, считает, что будущее России предсказать невозможно, так что нет смысла разглагольствовать о том, каким оно может или не может быть. «Способность лучших аналитиков предсказывать будущее в этих обстоятельствах сильно переоценена, — говорит он. — Распадется ли Россия? Сменится ли режим? Придется ли властям сосредоточиться на проблемах страны и будет ли это значить, что у них не будет сил на внешнюю агрессию?».

Важно только одно: российские лидеры должны прийти к мысли, что война была ошибкой, и признать Украину независимой страной с правом на существование. Другими словами, российская элита должна почувствовать внутренний сдвиг — похожий на тот, что заставил французов отказаться от колониального проекта в Алжире в начале 1960-х, перемену, которой сопутствовало падение французского конституционного строя, покушения на убийство и провалившийся заговор. Более медленный, но настолько же мощный сдвиг произошел в начале XX века, когда британский правящий класс был вынужден перестать говорить об ирландцах как о крестьянах, не способных управлять собственным государством, и дать им его создать. Когда это произойдет в России, война будет закончена. Не временно прекращена, не отложена на год или на месяц, а по-настоящему закончена.

Никто не знает, когда и как произойдет эта перемена, на следующей неделе или в следующем десятилетии. Но украинцы надеются, что у них получится создать условия, в которых подобные политические потрясения станут возможны. Может, это будет поражение на море, равное Цусимскому, а может, возвращение Мариуполя, города, который российские войска уничтожили в марте прошлого года, установив новую планку жестокости в Европе после Второй мировой.

Все — и не только украинцы, но и беларусы, венесуэльцы, иранцы и другие народы по всему миру, живущие в диктатурах, поддерживаемых Россией, — ждут контрнаступления.

Но самый мощный символ — это Крым. Аннексия Крыма в 1783 году заставила Путина полюбить Потемкина. Путинская оккупация и аннексия Крыма в 2014-м перезапустила его президентство. Слоган «Крым наш» разошелся по всей России всплеском имперских надежд и ностальгии по СССР, его печатали на плакатах и футболках, он породил множество мемов. В этом году Путин отметил годовщину аннексии, посетив полуостров и чопорно прошествовав по детскому центру и школе искусств в компании местных чиновников.

Крым стал символом и для украинцев. С вторжения 2014 года началась война России с Украиной; последовавшая за этим аннексия показала украинцам, что международная законодательная система не сможет их защитить. История крымских татар, мусульман, которые составляли большинство жителей острова до появления Потемкина, отражает

историю страны: татары были объектом репрессий, унижений и этнических чисток и в царское, и в советское время. В 1944 году Сталин депортировал весь народ, около 200 тысяч человек, в Среднюю Азию. Они вернулись только после 1989 года.

После 2014 года многие татары опять вынуждены были убежать с полуострова; из тех, кто остался, более ста стали политзаключенными. Возвращение прав и культуры крымских татар — одна из любимых тем Зеленского. В апреле этого года он устроил ифтар, традиционный вечерний прием пищи в Рамадан, и на нем присутствовали политические лидеры крымских татар. Постоянный представитель президента в Крыму Тамила Ташева, крымская татарка по происхождению, говорит, что татары — «часть украинской политической нации».

У Крыма есть и стратегическое значение. За последние девять лет путинский режим переделал Крым из курорта во что-то, напоминающее российский миноносец, приставший ко дну Украины, — весь полуостров в траншеях и укреплениях. В Крыму находятся тюрьмы для пленных украинцев, через полуостров вывозят украденное украинское зерно. Глава оккупационной администрации Сергей Аксенов назвал Крым «форпостом» оккупации юга Украины.

Зная, что Крым превращают в крепость, украинцы говорят о «политико-военном» освобождении Крыма, а не только о чисто военном контрнаступлении. Предполагается, что, когда они перекроют дороги, железные дороги и морские пути к полуострову и атакуют военную инфраструктуру с дронов, многие

россияне, которые там живут, особенно те, кто переехал недавно, поймут, что им проще пожить где-то еще. Есть сведения, что многие уже уехали оттуда после взрыва Керченского моста, который соединяет полуостров с Россией, и других взрывов в Крыму. «Мы возьмем Крым без боя», — сказал нам Резников.

Подробный план деоккупации Крыма уже составлен. Ташева вместе с адвокатами, специалистами по образованию и другими работает над «Стратегией восстановления Крыма», которая рисует более зеленую и чистую версию полуострова, «современный европейский курорт». Созданы рабочие группы, которые размышляют над тем, что делать с имуществом, приобретенным или утраченным с 2014 года, с украинцами, которые сотрудничали с оккупантами, с русскими, которые решат остаться на полуострове. Нужно будет реформировать школы, восстановить независимые медиа и украинскую политическую систему.

Ташева отвергает любой намек на то, что Украина и Россия могли бы поделить полуостров. «Власть не может оказаться и у Давида, и у Голиафа», — сказала она нам.

В том, что касается Крыма, подход двух цивилизаций различается в корне. Для России Крым сегодня и всегда — это военная база. Для Украины «Крым — это прежде всего разнообразие, это наш мост к глобальному Югу».

Украинский солдат несет беспилотник недалеко от линии фронта, Донецкая область, 17 февраля 2023 года. Фото: Libkos / AP

Ташева хочет улучшить дорожное сообщение с Европой, восстановить уничтоженные татарские памятники и сделать так, чтобы татарский и украинский языки снова начали использовать на полуострове. Планы по исправлению нанесенного экологии ущерба, уменьшению использования ископаемых видов топлива и запуску культурных фестивалей уже составлены, распечатаны и переведены на английский. И если им суждено осуществиться, они отменят не только путинскую аннексию Крыма 2014 года, но и потемкинскую 1783-го.

Звучит неправдоподобно? Возможно. Но в феврале 2022 года успешная оборона Киева тоже воспринималась как нечто из области фантастики. Мастерские по изготовлению дронов, артиллерия на линии фронта, разработчики программного обеспечения в Киеве — еще не так давно это невозможно было себе представить. И чтобы попытаться понять, что произойдет в Украине через год, нужно вообразить мир, который еще не существует, и принять тот факт, что фантазии иногда становятся реальностью.

* * *

Есть ли у американцев такое видение будущего? США действительно поддержали Украину, не входящую в

число постоянных союзников, на уровне, который когда-то был непредставим и который можно сравнить только с программой ленд-лиза во Вторую мировую. Мы предоставили Украине разведданные и оружие, помогли ее беженцам, наложили жесткие санкции на Россию. И пока никакой дополнительной катастрофы за этим не последовало. Несмотря на тысячи прогнозов об обратном, европейцы не замерзли этой зимой, когда им пришлось искать альтернативу российскому газу. Третья мировая не началась. Но в следующие несколько месяцев, пока Украина изо всех сил будет стараться выиграть эту войну, демократический мир должен решить, помочь ли ей в этом. Суверенитет, безопасность и справедливость — разве американцы не хотят, чтобы война закончилась именно этим?

Ну разумеется. И любой высокопоставленный чиновник в администрации Байдена, любой европейский министр иностранных дел именно так и скажет под запись. Но в личной беседе ответ может быть другим. Помощи США пока хватало, чтобы Украина давала России отпор, чтобы вернуть Херсон и часть Харьковской области. Но Америка пока не дала Украине истребители и самые современные ракеты большой дальности. И совершенно не очевидно, верят ли в Вашингтоне, Брюсселе или Париже, что Украина правда может отбить все территории, потерянные с февраля 2022 года, не говоря уже о 2014-м. И это правда нужно.

В апреле из просочившихся американских правительственных документов стало ясно, что возможности Украины оцениваются не очень высоко, что, по прогнозу, ни Россия, ни Украина не достигнут

ничего, кроме «незначительных» территориальных завоеваний из-за «нехватки войск и боеприпасов». Но это похоже на самосбывающееся пророчество: если Украине не дать достаточно боеприпасов, у нее и будет нехватка. Недавно один западный чиновник сказал нам, что перспектива возвращения Крыма в Украину так далека, что его страна даже не стала придумывать план действий на этот случай. Но если Запад не планирует победу, ее и правда будет непросто достичь.

Судя по всему, многие размышляют не над тем, будет ли контрнаступление успешным, а стоит ли ему быть успешным. Страх, что Путин использует ядерное оружие, чтобы защитить Крым, уже поднял голову — но мы же сказали ему, что ответ на это будет иметь «катастрофические последствия» для России: сдерживание — это правда важно. Желание сохранить статус-кво и страх того, что может прийти на смену Путину, не менее сильны. Президент Франции Эммануэль Макрон открыто сказал, что Россия должна быть побеждена, но не «раздавлена». Но даже худший из возможных преемников, самый кровавый генерал, самый бешеный пропагандист, гораздо предпочтительнее Путина. Потому что будет слабее. Он быстро станет мишенью в борьбе за власть. У него не будет мании величия и идей по поводу своего места в истории. Он не будет помешан на Потемкине. Он не будет нести ответственность за начало этой войны, а значит, ему будет проще ее закончить.

В западных столицах так озабочены последствиями российского поражения, что не успевают подумать о последствиях украинской победы. В конце

концов, украинцы не единственные, кто надеется, что их успех сможет поддержать и упрочить цивилизационные изменения. Россия под нынешним управлением — источник нестабильности не только в Украине, но и по всему миру. Российские наемники поддерживают диктатуры в Африке. Российские хакеры мешают проводить политические дебаты и выборы в самых разных демократических странах. Инвестиции российских компаний дают диктаторам силу в Минске, Каракасе, Тегеране. Победа Украины может вдохновить людей на борьбу за права человека и власть закона, где бы они ни были.
В недавнем разговоре в Вашингтоне активист из Беларуси рассказывал о планах своей организации возобновить протестное движение. Сейчас они работают подпольно. «Все ждут контрнаступления», — сказал он.

И он прав. Украинцы ждут контрнаступления. Европейцы, западные и восточные, ждут контрнаступления. Жители Центральной Азии ждут контрнаступления. Беларусы, венесуэльцы, иранцы и другие народы по всему миру, живущие в диктатурах, поддерживаемых Россией, — все они тоже ждут контрнаступления. Этой весной, этим летом, этой осенью у Украины есть шанс изменить мировую политику на поколение вперед. И у Америки этот шанс есть тоже.

Авторы: Энн Эпплбаум, Джеффри Голдберг

Оригинал: *The Counteroffensive*, *The Atlantic, May 1, 2023*

Перевод: Вера Нифлер